

ство внутренних дел исходило из установки о “вредности” литературы, из стремления устранить “деспотизм печатного слова”.

Все вопросы “государственной важности” были изъяты правительством со страниц периодической печати; лишенная возможности говорить о наболевшем, печать обратилась к “мелочам”. Но “культ мелочей” является не только следствием репрессий. Засилье “мелочей” в литературе органически вытекало из всей политической атмосферы реакции в стране, из таких явлений, как утрата больших общественно-политических идеалов, из теории “малых дел”, из торжества буржуазных нравов в прессе и ее ориентации на среднего человека.

В “Мелочах жизни” в главе “Газетчик”, разделе “Читатель” Салтыков скажет об “измельчании” литературы, об отсутствии прессы, имеющей “руководящую цель” и выполняющей пророческую миссию - “пробуждать общественную совесть”. Главную вину за современное состояние литературы сатирик возлагает на читателя, чье сознание изуродовано эпохой.

Однако здесь, как и в цикле “Круглый год”, лейтмотивом проходит вера в бессмертие литературы, в независимость от государства первоначальную сущность слова.

Задачи культуры в 80-е годы автор “Мелочей жизни” видит в укреплении нравственного фундамента общества, в культивировании высокой нравственности, справедливости и правды как общественных ориентиров, в обличении произвола власти, бюрократизма. Таким образом деятели культуры, и в особенности литературы, должны участвовать в “труде современности”. Салтыков убежден, что в 80-е годы Российское государство становится тормозом культурных процессов нации, подавляя познавательные процессы и поощряя послушание и пассивность.

Так, столкнувшись в 80-е годы лицом к лицу с новой реальностью, Салтыков-Щедрин однозначен в своих оценках: общественно-политическая ситуация привела к нравственному измельчанию общества, упадку культуры, необратимым последствиям в духовной сфере.

А.А.Колесников

**Христианская основа славянской азбуки как возможная
дополнительная характеристика образа старца Зосимы в романе
Ф.М.Достоевского “Братья Карамазовы”**

Сейчас, в наши дни, получает должное освещение тот глубокий сакральный, культурно-исторический и нравственный смысл, который вложил Кирилл в первоэлементы создаваемой им письменности. Появилось много исследований именно в этом ключе. Показательной является работа Савельевой Л.В. “Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста”. В этой статье автор “ставит своей задачей предложить и обосновать гипотезу об основных принципах номинации букв и об исходном значении большинства из них как своеобразных “атомов” нашей письменной культуры, долженствующих, по за-

мыслу их создателя (Кирилл - А.К.), заложить фундамент повседневной духовной практики славян". То есть речь идет о заложенном изначально в буквы славянского алфавита, в их звуковые имена, глубоком сакральном смысле, который ныне уже почти не улавливается.

Эта сущность азбуки давно стала предметом научного исследования. Еще в 1822 году русский филолог Н.Ф.Грамматин попытался найти в названиях славянских букв некие "апофегмы" (изречения).

По мнению Савельевой, в пользу единого закодированного азбукой текста свидетельствуют и лексические, и грамматические, и стилистические элементы. И потому, "при переводе (старославянских названий букв - "азь", "буки" и т.д. - А.К.) на современный язык голос Первоучителя славян звучит так:

Я грамоту осознаю. Говори: Добро существует!

Живи совершенно, Земля! Но как?

Люди, размышляйте! У нас потустороннее прибежище.

Скажи слово истинное. Научение избирательно:

Херувим, - отрешением печали, - или червь.

Таким образом, /.../ Кирилл дает свою интерпретацию основ христианского вероучения в жанре проповеднического слова, обращенного ко всем и каждому, кто приобретает к новой письменной культуре".

В романе Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы" два полюса веры: Иван Карамазов, проповедывающий идеи близкие к католичеству, что для Достоевского синоним не-веры, ереси, и отец Зосима, духовный наставник Алеши Карамазова, персонификация идей православия в романе. Именно Зосима выступает в роли проводника и проповедника Слова в мир. И лично ему посвящены вторая и третья главы шестой книги: "Из жития в бозе преставившегося неросхимонаха старца Зосимы..." и "Из бесед и поучений старца Зосимы". Эти две главы разбиты на подглавки, каждая из которых носит буквенное соответствие. Причем они выполняют важную роль - объединяют в одно обе главы, т.к. вторая включает себя подглавки а, б, в, г, а третья - д, е, ж, з. То есть одна продолжает другую, как бы "вытекает" из нее.

Если применить к этим главам перевод названий букв славянской азбуки, то получится следующее:

Подглавка первая - буквенное соответствие "а" - ст.-сл. "азь" - перевод "я". В этой подглавке, носящей название "О юноше брате старца Зосимы", речь идет не столько лично о брате Зосимы Маркеле, сколько о восприятии Маркела самим Зосимой. Весь рассказ идет через призму его восприятия. Зосима рассказывает о себе, о становлении своей личности, о начале жизни за брата, опять же о своей жизни, недаром "а"- "азь"- "я". Как пишет Савельева, "азь" ("я") выступает как субъект познания и самопознания, как отправная точка в развитии символических построений".

Вторая подглавка - буквенное соответствие "б" - ст.-сл. "буки" - перевод "письмо, грамота" - название "О Священном писании в жизни отца Зосимы". Действительно, здесь говорится об обучении Зосимы и о влиянии на него Библии, т.к. тогда обучение в большой степени означало знание Священной истории, которую в доме родительском, хотя и ребен-

ком, я очень любопытно хотел знать. Была у меня тогда книга, Священная история /.../ и по ней я читать учился”.

В следующих подглавках ключевыми словами, определяющими весь смысл, выступающих в роли организующих центров, тоже являются переводы старославянских “имен” букв. Так, “г” - “глаголи” - лишь “говоря” можно спастись Таинственному посетителю; “е” - “есть” - уже “существуют” в человечестве ростки смирения и любви, которые приведут к Царствию.

Таким образом, мы видим, что применение расшифровки названий букв славянского алфавита в романе “Братья Карамазовы” может помочь представить образ старца Зосимы более четко и конкретно. Скрытый духовный контекст позволяет ярче высветить сущность Зосимы как проводника Слова в мир, как проповедника, как персонификацию идеи православия в романе.

Мы можем только предположить, под влиянием чего Достоевский применил в романе данный прием. Возможно ему была известна работа Грамматина, или его “просветили” в Оптиной пустыни, т.к. это знание было “донесено непрерывающейся церковнославянской традицией обучения грамоте, что позволяло дешифровать глубокий историко-культурный смысл первого славянского книжно-поэтического текста”. Или это было личностным, так сказать, провиденциальным опытом Ф.М.Достоевского. Но почти полное соответствие текста романа по смыслу ключевым словам азбуки позволяет нам с большим процентом уверенности говорить о возможности такого сравнения.

А.С.Кондратьев

Л. Н. Толстой и творческие искания русской литературы XX века

Творчество Толстого в условиях отсутствия единой концепции российского общества формирует систему аксиологических представлений о безусловных авторитетах, восстанавливая прерванную традицию Богообщения в свете становления идеи Творения и оставаясь накануне третьего тысячелетия Христианства влиятельным фактором в духовной жизни человечества, и потому, как заметил Э. Г. Бабаев, когда «мы хотим взять Толстого как итог, он оказывается проблемой» (Связь времен. М., 1992, с. 75).

Создавая работающую концепцию истории литературы, необходимо осмыслить парадигматику художественно-философской традиции, выявляя постоянное тяготение национальной культуры к определенным сущностным идеям и образам, ибо, утверждает И. А. Есаулов, «изучать «литературность» как таковую (...) в отрыве от глубинных архетипов... вряд ли возможно без существеннейшего искажения истории литературы» (Литературная учеба, 1998, № 1, с. 106).

Человечество находится в преддверии века Толстого – эпохи становления во времени и пространстве его идеи Всемирного братства и согласия, интуитивно предвосхищенной пушкинским героем, пережившим благодать смирения перед общим законом. Однако в науке еще нет цело-